Перепись и идентичности: Башкирия в октябре 2002 года

Ксавье Ле Торривеллек

Как и остальная часть населения Российской Федерации, 4 055 000 жителей республики Башкортостан[1] были охвачены масштабной операцией по переписи населения в период с 9 по 16 октября 2002 г.. Жителям национальной республики, созданной в 1920 г. с целью противостоять гегемонистским устремлениям казанских татар и использовавшей свой экономический потенциал, в особенности в области нефтехимии, дабы утвердить свой суверенитет, оградить себя от реформ, идущих из центра, а также обеспечить контроль государства над местным населением, – было вдруг предложено «вписать себя в историю России». Несмотря на единообразие слоганов и законодательной базы, обеспечивавших и сопровождавших перепись населения, наша работа на месте[2] заключалась в том, чтобы показать специфический характер вопроса идентичности в контексте современного Башкортостана.

Начнем с того, как это событие преподносилось через призму коллективного восприятия истории. Нужно признать, что в связи с доминированием консервативной идеологии местная элита в Уфе была склонна к бездействию и воспроизведению прежних схем в интерпретации происходящего. И речь шла не о символическом разрыве с прошлым – Москва особо подчеркивала тот факт, что это первая постсоветская перепись – а о том, что историческая преемственность должна быть сохранена. Участвуя в реализации проекта с либераль-

---

[1] Официальные данные – результат последней переписи населения 1989 г. – следующие: 21,9% башкир, 28,4% татар и 39,9% русских. См.: *Б. Х. Юлдашбаев*. Башкиры и Башкортостан. Этностатистика. Уфа, 1995.

[2] Автор выражает искреннюю благодарность руководителям программы «Идентичность и Всероссийская перепись 2002» – Катрин Гусеф, Доминику Арелю и Валерию Тишкову – за оказанное доверие. А также Ильдару Габдрафикову, благодаря дружескому сотрудничеству которого, эта наблюдательная миссия получилась увлекательной и полной событиями.

ными претензиями,[3] республиканская власть пыталась тем самым поддержать баланс, необходимый ей для сохранения своего господства. Не отличились особым новаторством и национальные и оппозиционные круги[4], встретившие перепись с теми же лозунгами, что и в периоды выборов.

С другой стороны, интересующее нас событие выявило много неожиданных моментов. Во-первых, не всегда отдавая себе в том отчет, на индивидуальном уровне люди приняли перепись и воспользовались ею для расширения своей независимости. Многообразие вариантов личной идентификации обнаружилось благодаря средствам массовой информации. Во-вторых, поставленная цель – создать новый «фотопортрет общества»[5] – была в основном достигнута. Успех переписи выявил существование подвижного и многоликого общества, живущего отдельно от государства.

В отличие от новых явлений, ставших результатом изменений в обществе, возврат к нескончаемым дискуссиям о прошлом и будущем *этноса* был вполне предсказуем. В политическом контексте, благоприятствующем националистическому пустословию[6], с начала 2002 г. перепись населения стала поводом для разногласий. В ходе интервью, взятых до начала переписи, стало ясно, что в совершенно новой ситуации те же самые лица произносят те же самые речи. Издавна пребывавшие под влиянием субстанциального подхода к этничности, башкирские и татарские националисты сделали из переписи политическое событие. И, как всегда, роли радикальной и официальной интеллигенции были разделены. Взаимные обвинения в «геноциде»[7] опира-

---

[3] Юридическая основа переписи населения – принцип личной свободы – был использован без ограничения. До такой степени, что даже самые заядлые его сторонники забеспокоились по поводу возможных последствий. См.: *Валерий Тишков*. Перепись должна быть обязательной //«Независимая газета». 2002. 30 сентября.

[4] С социологической точки зрения, если считать только активных членов, оказывается, что эти две группы смешиваются. Политическая оппозиция президенту Рахимову строится на активности русских и татарских движений.

[5] Массовое информирование населения о переписи началось в провинции очень рано. См.: Общество получит новый «фотопортрет» //«Октябрьский нефтяник». 2001. 30 октября.

[6] В контексте борьбы самых сильных республик Российской Федерации против унитаристских тенденций и за сохранение своих привилегий главная проблема переписи в РБ оказалась связана с этническими пропорциями населения: республиканской власти не нравится признавать численный перевес местных татар над титульными башкирами.

[7] Во время первомайского митинга в Казани башкирская власть была обвинена в «подлинном геноциде татар». В качестве ответа в газете, финансируемой республиканским бюджетом, была опубликована статья, осуждающая геноцид башкир. См.: «Башкортостан». 2002. 10 мая. 30 августа 2002 г. на III Всемирном конгрессе

лись на «научные» аргументы. Статистические данные, приводимые одной стороной, подтверждали, что доля башкир должна была достигнуть 30% населения, другой – что этот показатель не достигнет даже 12%. Другой характерной чертой стало разделение по принципу лояльности по отношению к прошлому: со ссылкой на результаты переписей населения 1979 и 1989 гг. национальный авангард пытался убедить несведущее население северо-западной части Башкортостана в его «настоящей» национальной принадлежности[8]. Она должна была быть либо «башкирской», так как необходимо было найти 73 000 башкир, исчезнувших между 1979 и 1989 гг.[9], либо, определенно, «татарской», следуя логике «демократической» переписи 1989 г. Естественно, местная власть была подвергнута резкой критике со стороны «этнической» оппозиции за свою предвзятость в этом вопросе. Неожиданным стал тот факт, что подобные обвинения были поддержаны высокими представителями республики Татарстан[10]. Никогда еще политизация этнических вопросов не достигала такого размаха. В любом случае, наибольший научный интерес в контексте данного кризиса представляет анализ новых расстановок политических сил в республике.

Радикализации способствовала некоторая растерянность, охватившая представителей татарской элиты. В то время как их казанские коллеги выступали против исходящего из Москвы «неоимпериализма», лидеры татар Башкортостана попытались этим воспользоваться, чтобы укрепить свои позиции на местном уровне. Оказавшись в противоречивой ситуации, сторонники ТОЦ – Татарского общественного центра – предпочли движение вперед. Пытаясь протестовать против изъятия вопроса о родном языке и усиливая старый этноцентризм, на который опирается их интеллектуальный авторитет,

---

татар писатель Айдар Халим вновь заявил о том, что в РБ происходит геноцид татар.

[8] См.: *Д. Горенбург.* Identity change in Bashkortostan: Tatars into Bashkirs and back //«Ethnic and Racial Studies», 22/3, май 1999.

[9] См.: *М. М. Кульшарипов*. Трагическая демография. Китап, 2002. С. 17.

[10] В период проведения III Конгресса татар, организованного татарским правительством в Казани, Хусаинов – так называемый «альтернативный депутат», директор татарской гимназии Белебея – выступил перед Путиным, заявив, что «Быть татарином в Башкирии – нелегко». Муртаза Рахимов, глава Башкортостана, сидящий также в президиуме, нахмурился. *Ольга Соломонова* //«Труд». 2002. 31 августа. И следующим выступлением стало заявление президента Татарстана Минтимера Шаймиева, находившегося с визитом в Челябинске 16 сентября 2002 г., о том, что «Мы, татары – единый народ».

– они не побоялись вести игры с риторическим огнем межэтнических конфликтов[11].

В то же время, этнополитический кризис усилил тенденцию к сдержанности, к преодолению этнических противоречий политическими методами. Даже если на сегодняшний момент она сформулирована недостаточно серьезно, перспектива *постмодернистского* слияния тюркских этносов хорошо вписывается в современный контекст нового социального многообразия. Наделенная, благодаря множественному различию ее вариантов, неопровержимой убедительной силой, эта идея становится позитивной утопией и предлагает иное будущее[12].

Исследования, проведенные на месте, подтвердили гипотезу о крайней жесткости политического режима. Отказ от применения на республиканской территории федерального принципа местного самоуправления и назначение башкирским президентом 54 глав администраций районов остаются исключительным явлением в Российской Федерации. Повиновение «хозяину» района является священным законом для представителей административного аппарата. Они владеют основными инструментами контроля, поэтому, чем дальше от города, тем больше местное сообщество находится в положении зависимости от власти функционеров. В таких условиях поставленная перед нами цель – провести интервью с переписчиками – была недостижима без согласия начальства. Отказ Госкомстата дать разрешение на проведение нашей научной миссии незамедлительно отразился на нашей работе. Пока это известие разносилось по российским просторам, нам был оказан радушный прием в двух районных центрах, Чекмагуше и Бакалах, где мы побывали 9 и 10 октября. Переписчики, их инструкторы, а также представители местного сообщества – активисты нацио-

---

[11] Используя в своих целях журналистскую формулировку – «Кому нужна вторая Чечня?» //«Аргументы и факты». 2002. 11 сентября. – письмо коллектива татарских ученых, адресованное В. Путину 16 октября 2002 в качестве реакции на конференцию башкирских историков, проходившей 18 сентября 2002 г. «Против фальсификации истории Башкортостана» заявляет следующее: «Мы надеемся, что ситуация межнационального противостояния в Башкирии, чреватая постепенным сползанием к межнациональному конфликту по типу кавказского, получит соответствующую оценку на федеральном уровне».

[12] Р. Нигматуллин – депутат Государственной Думы, президент Академии наук Республики Башкортостан – основоположник идеи абсолютной субъективности в вопросе идентичности. Так, 3 августа в своем выступлении на II съезде татар Башкортостана он сказал: «Это современная тенденция открытого общества и путь решения межэтнических проблем […] Люди могут иметь несколько национальностей. Я себя ощущаю и татарином, и башкиром, и русским». См.: «Вестник Академия наук РБ». 2002. Том 7/3. С. 41.

нальных движений, главные редакторы местных газет, религиозные деятели – свободно отвечали на задаваемые вопросы. Но как только прошла информация о запрете нашей миссии, все двери перед нами закрылись – от тех немногих, кто продолжал общаться с нами, можно было услышать лишь критику в адрес местного руководства. Так как мы к этому были подготовлены, решено было действовать тайно, в обход инстанций. В ходе поездки на юг Башкортостана, в районных центрах Мраково, Зилаир и Сибай – с 13 по 16 октября – нашими единственными собеседниками были переписываемые и несколько рядовых переписчиков. Любой контакт с представителями властных структур мог завершиться плачевно: нас могли выдворить из района[13].

Таким образом, похоже, что в сравнении с другими регионами Российской Федерации – во всяком случае с теми, где работали другие участники нашего проекта, – уральская республика выделялась своим особым отношением к переписи как к объекту общественной политики. Эта гипотеза подтверждена окончательным успехом операции – лишь немногие смогли не попасть в административные сети, – а также значимостью результатов переписи для сохранения легитимности суверенного государства. Поэтому оппозиционеры башкирского правительства не прекращали разоблачать порядок, который позволил местным властям использовать все имевшиеся в их распоряжении средства для достижения результата 1979 г.: 24% башкир. Хотя на данный момент не было выявлено ни одного более или менее серьезного случая фальсификации[14], тем не менее, республиканская власть наблюдала с большим интересом за ходом переписи. В нашем распоряжении имеются три свидетельства ежедневной проверки числа башкир по административным каналам.

Таким образом, перепись ничего существенно не изменила в обычном функционировании «башкирского режима». Источником неожиданностей стало само гражданское общество. В отличие от стабильности государственных институтов, система общественных ценностей была подвергнута испытанию и поколеблена новыми социальными практиками. Необходимо время, чтобы люди смогли понять и принять происшедшие изменения. Во всяком случае, становится ясно, что опыт, пережитый «кряшенами», будет примером для подражания для все большего количества индивидов. Вместо того чтобы придавать слишком большое значение возможным антитатарским стратегиям

---

[13] Так, 14 октября, глава администрации Кугарчинского района выгнал автора этих строк из своих «владений».

[14] 17 октября было проведено интервью с И. Огневым, федеральным инспектором по республике Башкортостан.

Москвы и Уфы, важнее понять природу и значимость данной идентификации как социального явления.

С одной стороны, решение о включении «кряшен» в список национальностей, на основании которого проводятся на сегодняшний момент статистические подсчеты, было навязано российскому правительству вследствие давления местных коллективов[15]. Определенные группы пытались таким образом добиться реализации их культурных прав, поскольку перепись не только классифицирует, но и легитимизирует. Символически речь также шла об отмене несправедливости, которую Сталин допустил в 1926 г. по отношению к кряшенам, лишив их статуса *народа*. Осуществление этого долга памяти [*devoir de mémoire*] предопределило во многом успех кряшенского вопроса в СМИ[16]. Но главное не в этом. Исключительность данного события стала в меньшей степени результатом деятельности государства, чем самих индивидов. Впервые государство дало возможность всем участвующим в переписи записать себя так, как они того желали. Был поставлен акцент на личном выборе. Всемогущая административная машина, ее представители и законы оказалась подчинены принципу субъективности. Процедура гарантировала полную свободу. И от переписчиков можно было не раз услышать: «Мы запишем со слов, нам не нужен ваш паспорт».

И в случае с кряшенами эта данная каждому новая возможность самоопределения совпала со стремлением к идентификации. «Пробуждение ото сна» истории прежде всего объясняется включенностью индивидов в вымышленное пространство кряшенской культуры: «с некоторого времени здешняя молодежь начала интересоваться своим происхождением, они желают иметь свою нацию»[17]. И они не хотят, чтобы кто-то извне им навязывал национальную принадлежность. Теперь выбор идентичности – личное дело каждого. Убежденная в законности своего предпочтения, молодая девушка из Бакалов – столицы кряшен Башкирии – не побоялась попросить переписчиков аннулировать информацию, которую дали ее родители, и записать ее не как татарку, а как кряшенку. С другой стороны, объяснение данного феномена религиозными мотивами нам кажется неэффективным:

---

[15] Кряшен в Башкирии между 12 и 30 тыс. человек, это население сконцентрировано в западных районах.

[16] Даже газета «Le Monde» от 10 октября говорит об этих людях, «вырванных из родной почвы», которых Сталин лишил национальной принадлежности.

[17] Интервью от 10 октября 2002 г. с А. Бякшевой, директором городской библиотеки города Бакалы и руководителем татарского фольклорного ансамбля. Татарка по национальности, во время переписи она заявила себя кряшенкой.

члены общества, находящегося на пути секуляризации[18], кряшены – не более верующие, чем их братья татары или русские. И напротив, как раз стирание религиозных наслоений объясняет поиски смысла и идентичности. Перед нами типичный феномен в духе *постмодернизма*, помещающий индивида в несоответствие с ближайшим окружением. Та молодая девушка не знает, что именно отличает ее от татар. Язык ли, религия, отношение к истории... или, на взгляд некоторых, характер[19]? Ей, на самом деле, все равно. В отличие от тех, кто ее судит с некоторым пренебрежением, она, отстранившись от своей национальной принадлежности, тем самым отказалась от господства субстанций.

Уникальность кряшенского примера состоит в том, что в данном случае местные требования совпали с позицией федерального центра. Однако завоевание личной независимости стало характерной чертой переписи населения. Нам нередко приходилось слышать, что националистическая пропаганда выступала против этого стремления. Отказ от бинарных схем, смешение идентичностей, многонациональность в одной и той же семье... множество признаков указывает на переход к эпохе социального плюрализма. Это делает еще более реальной опасность националистических выступлений и особенно их радикализацию. Те, кто захотят сохранить старую веру, не примут очевидность новой.

В любом случае перепись населения сыграла решающую роль – это событие способствовало проявлению новых возможностей, характерных для эпохи глобализации. Октябрь 2002 будет ознаменован для России не запоздавшим вступлением в современность, а вступлением в запоздавшую современность.

---

[18] Здесь этот термин не означает отделение церкви от государства, а исторический процесс отхода общества от религиозности. См.: *Марсель Гоше*. Le désenchantement du monde, Une histoire politique de la religion. Париж: Галлимар, 1985.

[19] Интервью от 11 октября 2002 г. с Е. Артемьевым, руководителем Национально-культурного центра кряшен Республики Башкортостан.